

Николай Бунин

Старый знакомый

Николай Григорьевич Бунин

Старый знакомый

Аннотация

«Долго, нескончаемо долго тянулась непривычная для меня северная зима...

Морозов трескотня и вой снежных метелей вместе с плакучим стоном знакомого филина на башнях соседнего монастыря до того пробирали меня в собственной моей квартире, в особенности по ночам, что какое-то непоседство дома развилось во мне до степени неодолимой потребности ездить и ездить... Куда? Зачем? – это было для меня безразлично, лишь бы не сидеть дома с глазу на глаз с томительной скукой и постоянным одиночеством...»

Содержание

I	4
II	10
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Бунин

Старый знакомый

Из рассказов

охотника-переселенца

I

Долго, нескончаемо долго тянулась непривычная для меня северная зима...

Морозов трескотня и вой снежных метелей вместе с плакучим стоном знакомого филина на башнях соседнего монастыря до того пробирали меня в собственной моей квартире, в особенности по ночам, что какое-то непосредство дома развилось во мне до степени неодолимой потребности ездить и ездить... Куда? Зачем? – это было для меня безразлично, лишь бы не сидеть дома с глазу на глаз с томительною скукой и постоянным одиночеством.

Процедура сборов и езды, сокращая время, наполняла мою жизнь. Как новинка, мне было по душе это добровольное скитанье по лесным дебрям сурового севера, охотничьи стоянки в убогих деревушках редкого населения и всегда простодушно-милая долгая беседа с местными мужичками,

промышлявшими охотой. Словом, я скоро вошел во вкус бродячей жизни и, не разбирая ни состояния погоды, ни расстояния местностей, постоянно метался по разъездам и рыскал по всевозможным зимним охотам за птицей и зверем. Бывало, едва успеешь возвратиться с какой-нибудь из этих экспедиций, как ко мне уже является один из моих летних приятелей с предложением ехать на новую. Там – лоси обстоялись, и их обошли, там – сгонного медведя обложили. Все это было, как говорится, «нашему козырю под масть», и я без отказа катил вновь за добрую сотню, а иной раз и больше верст.

Так коротая тяжелое время холодной зимы, промаячил я до конца марта. И вот в одно солнечное морозное утро вместе с благовестом монастырского колокола к обедне будил меня мой старик Данилыч с докладом, что какой-то незнакомый мужичок приехал издалека и ждет меня с письмом на кухне.

– Спроси письмо и подай, пожалуйста, сюда! – поручаю я ему, не желая слишком скоро покидать всегда под утро особенно приятную постель. Но мой Данилыч возвращается с объявлением, что мужичок ему письма не отдает, а требует непременно повидать меня самого.

Основательно предположив из этого о важности дела, я попросил позвать крестьянина в комнату и, наскоро одевшись, вышел к нему в сопровождении своей лягавой собаки, по обыкновению вместе спавшей и в одно время просыпав-

шейся со мною.

У дверей прихожей комнаты, переминаясь от долгой дороги, в засаленном полушубке и стареньком армячке стоял невзрачный с виду мужичок с белобрысой жиденькой бородкой и такими же волосами на голове, но с черными и необыкновенно юркими глазами; слегка вздернутый кверху нос и тонкие угловатые губы придавали его лицу какое-то плутовато-задорное выражение. В одной руке он держал свой капелюх из оленевой шкуры шерстью вверх чрезвычайно безобразного покроя, а другую, глубоко запустив за пазуху полу шубка, доискивался чего-то спрятанного там.

Зорко окинув мое лицо при появлении, он хриповатым голосом произнес какое-то короткое приветствие и тут же выстрелил глазами в сторону моей собаки, которая в это время любознательно обнюхивала заскорузлую полу его кафтана, затем снова взглянув на меня и, наконец, вероятно, удовлетворившись своим обзором, он вслух проговорил и свое об этом впечатление: «Должно, тот самый и есть, и собачка – желтая...» И только тогда вытащил из-за пазухи толстый сверток грязной ситцевой тряпицы, в котором бережно было завернуто письмо без всякого адреса.

– На-ко, погляди, туда попал аль нет?.. – развертывая тряпицу и подавая мне послание, значительно промолвил он. Потом этой самою тряпицей он кокетливо утер нос и бороду и снова препроводил ее за пазуху, оставив, кстати, там и свою руку; в таком положении, поглядывая с боку на меня, оста-

вался он в ожидании ответа, пока я читал письмо.

В письме заключалось короткое предложение приехать на медвежью охоту по указанию посылаемого крестьянина. Почерк бойкий, орфография правильная, подписано «Ваш старый знакомый» – и только.

– От кого это? – спрашивал я.

– Да от Ивана Тимофеича, самый ён послал и бесприменно наказывал, чтобы ты приехал.

Не зная ни одного из знакомых под таким именем, я был немало удивлен приглашением и для разъяснения дела снова обратился к посланцу:

– Да кто он такой?..

– Ивана-то Тимофеича не знаешь?.. – в свою очередь с некоторым сомнением переспросил меня мужичок.

– Не знаю.

– Да наш писарь молодой, Скобин Иван Тимофеич!.. Може, забыл?.. – вразумительно стал толковать он мне и для вящего убеждения добавил: – И прочие господа наши съезжаются туда же, все будут тебя ждать...

– А ехать далеко?

– Не, не горазде далече! Я бы еще вечор на своей поспел, да, признаться, притомилась за дорогу, бросил в Варгольском селе, да уж так кой с кем сюда и Добежал...

Я, должно быть, невольно поморщился при этих сведениях о расстоянии, потому что внимательно следивший за моим выражением мужик очень уж заискивающим тоном по-

спешил прибавить:

– Да уж я доведу до места вашу честь – абы только поезжай!.. Низко просят, вочень кланяются, – закончил он свое посольство.

Из дальнейших вопросов и ответов, последовавших с обеих сторон, я мог уразуметь только одно, что какие-то господа Из местных жителей соседней губернии пограничного уезда непременно желают, чтобы я участвовал в их охоте на медведя, и при этом выходило как-то так, что без меня и самая охота у них состояться не может. Но кто именно были эти господа, я все-таки не добился, хотя и узнал, что главным образом орудует в этом деле неизвестный мне, но якобы хорошо знающий меня Иван Тимофеич, по-видимому, весьма важное лицо, состоящее в должности главного волостного писаря очень большой волости, откуда, собственно, им и был командирован этот посланный за мною.

Но все эти обстоятельства не так озадачивали меня, как дальность расстояния, выразившаяся в многозначительном «негоразд», ибо этот «негоразд» в настоящем случае тянулся наверняка на двести верст...

Однако, несмотря на это, любезное приглашение незнакомых мне людей показалось для меня настолько лестным, а главное, моя собственная страсть к шатанью была в ту пору настолько сильна, что результатом всего воспоследовало мое не менее любезное соглашение. Спустя несколько часов мы вместе с посланцем и милой лайкой Жучком, поступив-

шим ко мне в услужение от друга Нестора, поспешно катили на паре почтовых по большой О.....ой дороге.

II

На здешних почтовых станциях нередко случается встречать лошадей с замечательно резвой побегой, напоминающих по виду лошадей, известных под именем шведок; искалеченные от непосильного труда и значительно измельчавшие от постоянной бескормицы, они все-таки легко везут путника верст по пятнадцати в час по здешним дорогам, благодаря этому езда здесь, невзирая на стужу и подчас непогодь, иногда имеет свою прелесть. Обыкновенно только при выезде со станции «гусевая» запряжка лошадей немного осложняет дело тем, что передняя лошадевка, почти всякая, неохотно покидая свое стойло, непременно пробует сунуться то в одни, то в другие ворота соседних дворов, где ее встречают с боков выразительные крики ямщиков, а сзади вместе со зловещим свистом длинного кнута гремит грозный голос самого хозяина: «Ку-у-да ты, животное?!» В силу этого наконец животное, волей-неволей, выметывается на надлежащую дорогу, и тут, как бы столкнувшись заодно с коренником, вдруг оба разом подхватывают в полный карьер версты на две, на три, а иногда и более до тех пор, пока бесчеловечно передернутый коренник устанавливается на крупную размашистую рысь, а уносная – на широкий спорый галоп, которыми и продолжают оба отчеканивать уже во всю остальную часть дороги. Хорошая это и веселая езда!.. Не успеешь

порядком вдуматься во что-нибудь, как уже тебя подкатят к фонарным столбам следующей станции. «Вот и добежали!..» – говорит вам весь белый, запушенный морозом ящик, бойко прыгивая со своего сиденья на облучке. И тут как-то даже неохотно вылезает из саней и из-под сугробов заметавшего тебя снега и всегда невольно обернешься посмотреть, как стоят эти животинки, словно курящиеся в густом дыму от собственного Пота: широкий коренник, задравши на бок кудлатую голову, ухищряется стереть об оглоблю ледяную сосульку, образовавшуюся под его ноздрями, а понурившаяся до земли уносная жадно скребет у крыльца дорогу, доставая зубами обледенелый утоптаный снег.

А вид здешних лесов зимою чего стоит?!. Конечно, кто долго жил или много ездил по снежному пути нашего севера, тому не в диковинку его зимние красоты. Но кто никогда не видал этих громадных лесных пространств с вечно зеленеющими иглами под густым инеем 20°-ного мороза, тот не может вообразить себе всей прелести этой, подчас Дивной и постоянно своеобразной красоты.

После двухчасовой езды мы подъехали к станции того села, где накануне была оставлена притомившаяся лошадь моего проводника, и порешили с ним на том, что отсюда, сколько будет можно, он поедет на своей, а потом опять оставит лошадь и пересядет ко мне уже до конца дороги.

Пока ладилась запряжка лошадей в мои сани, сидя под окном почтовой станции, я видел, как мой спутник, вывернув-

шлись из ворот соседнего двора на своей буренькой лошаденке в длинных пошевнях, крупной рысью прокатил околицей вперед по нашей дороге. Скоро и мне запрягли лошадей. Место проводника, сидевшего со мною, заменила моя лайка; соскучившись во всю дорогу лежать в ногах под одеялом, Жучок с радостью выбрался на свободу и, торжественно поместившись рядом со мною, преважно водил носом по сторонам и молча скалил зубы на своих собратьев, отчаянным брехом провожавших нас по деревне.

По ровной лесной просеке скоро завиднелась впереди нас темная точка, но нескоро, едва только на половине станции мы поравнялись с нею: это ехал мой Терентий Иванов на своем буром. Обгоняя его по дороге, я хотя и крикнул ему «поспешай», но был вполне уверен, что мне долгонько придется поджидать его на станции, однако ж, к удивлению моему, только что мне приготовили лошадей, как знакомый капелюх моего спутника по-прежнему мелькнул мимо стационарного дома; ходовитым шагом, свежо и бойко шел его слегка замылившийся и весь заиндевевший конь... За околицей он дал себя объехать и, приладившись в упор за мою парой, уже не отставал во всю дорогу, о чем мне постоянно напоминал шорох санных полозьев сзади и изредка конское пофыркивание за моей спиною.

Судя по усердию, с которым мой проводник отправлял свою обязанность в отношении моей персоны, я начал опасаться за бедное животное, чтобы оно не пало жертвою его

исполнительной натуры, и потому предположил остаться переночевать на одной из следующих станций.

В душевной, жарко натопленной и по обыкновению нестерпимо вонючей избе нам подали самовар, поставили на стол большую крынку молока, рядом положили подобие какой-то снеди в образе кольцеобразных камней (известных и здесь под именем баранок), и мы, поглощая чашку за чашкой горячую воду, завели с новым приятелем долгую беседу на тему, оправдывающую поговорку: «У кого что болит, тот о том и говорит».

Происходя по прямой линии от соседних иноверцев – зырян, мой Терентий Иванович в числе прочих качеств унаследовал от своих предков и самую нежнейшую любовь ко всевозможным капканам, петлям и силкам, почему очень сильно возмущался против распространения огнестрельного оружия в их местности.

– Шуму уж очень много от этого самого пороха бывает, – говорил он под конец нашей беседы, – и опять же чувствует его зверь далеко, ну, известно, и торопится уходить в спокойные места, все дальше да глубже. А у нас, значит, с кажинным годом что зверя, что птицы – все меньше да меньше... В старину-то, бывало, птицу всякую – петлей, а зверя – железам, а не то так и на рогатину добывали. Оно и милое дело выходило!.. Поборятся себе тишком, по-любезному: спорол мужичок медведя, надрал с его пудов пять сала – жги всю зиму некупленный свет, а шкуру на Торжок свезет,

выручит золотой на подати – оно и ладно... Дело тихое, никому невдомек – значит, при этом и осурочить тебя некому. Да и зверь-то – иной, поди, тут же, только что не рядышком лежит, а и не почует, что с товарища, значит, шубу на базар снесли... Потому лежит ён в спокойствии и сам, пожалуй, дождется свою череду... Вот таким-то побытом и промышляли... А ныне с этими фузеями коли-то коли какого подужают, а шуму-то, шуму на целый лесь подымут... – закончил свою речь мой собеседник, вставая из-за стола и опрокидывая кверху доньшком последнюю чашку. Он покрестился на икону, поблагодарил меня за угощение и полез спать на печку, откуда немедленно послышался храп во всю носовую заvertку.

На дворе шумела метель, в трубе завывал ветер...

III

Сделавшаяся с утра оттепель обратилась к вечеру в хмару, и сырая, тонкая изморозь поползла в воздухе. Уже темные сумерки были на дворе, когда мы добрались до места и остановились у широкого крыльца большого дома казенной архитектуры с вывеской во всю длину карниза: «Волостное Правление такой-то волости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.